

КВИНТ ТЕРТУЛЛИАН
АПОЛОГИЯ

*«Апологетик» — сочинение выдающегося раннехристианского писателя и теолога Квинта Тертуллиана (лат. Quintus Tertullianus, 155–220). ****

Это обращение Тертуллиана к римской власти, которая заблуждается относительно дела христиан и стыдится публично признать торжество справедливости.

К другим работам Тертуллиана относятся «О зрелищах», «О покаянии», «О воскресении плоти», «Против иудеев», «О молитве» и «О крещении».

Квинт Тертуллиан — один из самых известных основоположников церковной латыни и духовно-религиозной философии.

Квинт Септимий Флорент Тертуллиан АПОЛОГЕТИК

1

(1) Если вам, представители римской власти, председательствующим на открытом и высоком месте, почти на самой вершине государства для того, чтобы производить суд, не дозволено явно разбирать и лично исследовать, в чем собственно состоит дело христиан; если относительно этого только одного дела ваша власть или боится или стыдится публично производить дознания по строгим правилам справедливости; если наконец, что случилось весьма недавно, ненависть к этой секте, чрезмерно деятельная в домашних судах, заграждает путь к защите: то да позволено будет истине дойти до ваших ушей по крайней мере тайным путем беззвучных букв.

(2) Она ничего не выпрашивает своему делу, потому что и не удивляется своему положению. Она знает, что она живет на земле, как чужестранка, что между чужими ей легко найти себе врагов; но при этом знает, и то, что она имеет свое происхождение, жилище, надежду, любовь к себе, честь на небесах. Теперь одного только она желает, чтобы не осуждали ее, не узнав ее.

(3) Что потеряют законы, господствующие в своем царстве, в том случае, если ее выслушают? Не тем более ли будет прославляться сила их, если они будут осуждать ее, даже выслушав ее? Но если они будут осуждать ее, не выслушав ее, то кроме упрека в несправедливости, будут заслуживать подозрение в некотором сознании, именно: не хотят выслушивать ее потому, что не в состоянии осуждать ее по выслушивании ее.

(4) Итак мы поставляем пред лицом вашим первую причину несправедливой ненависти к имени христиан это. Эту несправедливость та самая причина, которая по-видимому ее извиняет, на самом деле и обвиняет и осуждает ее, то есть, незнание. Ибо что несправедливее того, что люди ненавидят то, чего не знают, хотя оно и заслуживало бы ненависти. Ибо тогда только оно заслуживает ненависти, когда разумеют, заслуживает ли оно.

(5) Если же знание вины отсутствует, то чем защищается справедливость ненависти, которую должно оправдать не тем, что есть, но знанием. Так как ненавидят потому, что не знают, каково есть то, что ненавидят, то почему оно не может быть таким, чего они не должны бы ненавидеть?

Итак мы доказываем одно другим: и то, что они не знают, потому что ненавидят, и то, что они несправедливо ненавидят, так как не знают.

(6) Доказательство незнания, которое осуждает несправедливость в то время, как защищает, есть; ибо все, которые прежде ненавидели, потому что не знали, каково то, что ненавидели, перестают и ненавидеть, лишь только перестают не знать. Из них делаются христиане, конечно, благодаря приобретению точного знания, и они начинают ненавидеть то, чем были прежде, и проповедовать то, что раньше ненавидели, и их теперь столько, сколько и нас обвиняемых.

(7) Вопят, что государство наполнено христианами, что христиане находятся в деревнях, городах, на островах; сокрушаются о том, что люди всякого пола, всякого возраста, всякого звания и всякого сана принимают христианство, как бы о великом бедствии.

(8) Однако это самое побуждает их предполагать, что здесь скрывается какое либо благо. Им непозволительны некоторые предположения, им неуютно поближе познакомиться с делом. Здесь только человеческая любознательность цепенеет.

(9) Любят не знать, тогда как другие радуются, что узнали. Насколько больше Анахарсис осудил бы этих не знающих, которые однако судят о знающих, чем тех необразованных, которые однако судили об образованных? Им желательнее не знать, потому что они уже ненавидят. Поэтому они наперед решают, что то, чего они не знают, таково, что они не могут не ненавидеть, если узнают. Ибо если не найдется никакого разумного основания к ненависти, то, конечно, самое лучшее будет оставить несправедливую ненависть. Если же установлена будет преступность, то у ненависти не только ничего не отнимется, но напротив она приобретет себе непоколебимость даже авторитетом самой справедливости.

(10) Но, говорят, христианство не должно считать благом потому только, что оно многих обращает на свою сторону, ибо сколько таких, которые всецело предаются злу, которые перебегают на сторону развращения. Кто это отрицает? Однако то, что действительно есть зло, даже те самые, которых оно поработщает, не осмеливаются защищать, как добро. Природа всякое зло покрыла одеждою страха или стыда.

(11) Так злодеи сильно желают скрываться; стараются не показываться; трепещут, если бывают пойманы: отрицаются, если их обвиняют; нелегко и не всегда сознаются даже в том случае, если их подвергают пыткам, жалуются, если их справедливо осудят, пересчитывают в себе самих проявления злой воли, приписывают их иди судьбе или звездам. Ибо они не хотят, чтобы им принадлежало то, что они признают злом.

(12) А христианин делает ли что либо подобное? Никому не стыдно; никто не раскаивается, разве только в том раскаивается, что раньше не был христианином.

Если кто порицается, то он этим славится; если обвиняется, то не защищается; спрошенный сознается даже добровольно; осужденный воздает благодарность.

(13) Что это за зло, которое не имеет натуральных свойств зла: страха, стыда, увертки, раскаяния, плача? Что это за зло, ответчик за которое радуется, обвинение в котором есть желание, а наказание за которое есть блаженство? Ты не можешь назвать его безумием, так как ты изобличен в незнании.

2

(1) Но если достоверно то, что мы преступники и притом величайшие; то почему вы сами относитесь к нам не так, как к подобным нам, то есть, к прочим преступникам, хотя к одному и тому же преступлению должно было бы быть одно и тоже отношение?

(2) Когда другие обвиняются во всем том, в чем мы обвиняемся, то они для доказательства своей невинности и сами себя защищают и пользуются наемными адвокатами. Им открыта возможность и отвечать и возражать, так как и вообще не дозволено осуждать тех, которые не защищались и не выслушивались.

(3) Но одним только христианам не дозволяют ничего говорить, что оправдывало бы их дело, что защищало бы истину, что и предохраняло бы судью от несправедливости. Только того и ожидают, что необходимо для общественной ненависти, именно: признания в имени, а не расследования преступления.

(4) Когда производите следствие по делу какого либо преступника, то вы произносите приговор не тотчас после того, как он объявит себя человекоубийцею, или святотатцем, или кровосмесником, или общественным врагом (я называю свои елогии) но после того, как узнаете свойство преступления, число, место, образ, время, свидетелей, соучастников.

(5) С нами ничего такого не делают, хотя должно было бы расследовать все то, в чем ложно обвиняют нас, а именно: сколько каждый из нас пожрал умерщвленных детей? сколько при погашенных свечах уже совершил кровосмесений? какие были при этом повара, какие собаки? О, какая честь была бы судье, если бы он открыл того, который пожрал уже сотню младенцев! читать переписку Плиния и Траяна.

(6) Напротив, мы знаем, что разыскивать нас даже запрещено. Когда Плиний Младший управлял провинциею, то он, одних христиан осудив, а других лишив должностей, обратился за разрешением к тогдашнему императору Траяну, что ему делать на будущее время, так как он был смущен самым множеством их. К этому Плиний Младший присовокупил, что он, кроме решительного отказа приносить жертвы, узнал о них только то, что у них бывают собрания до рассвета для прославления Христа, как Бога, и для распространения учения в своем обществе, и что они запрещают человекоубийство, прелюбодеяние, обман, вероломство и прочие преступления.

(7) Тогда Траян ответил ему: хотя людей этих отыскивать не должно, но наказывать должно, если их представят.

(8) О решение, по необходимости смешенное! Он утверждает, что людей этих не должно отыскивать, как невинных, а вместе с тем повелевает наказывать их, как виновных. Он щадит и свирепствует; он скрывает и открывает. Зачем ты проводишь себя самого таким решением? Если осуждаешь, то почему не отыскиваешь? Если не отыскиваешь, то почему и не освобождаешь? Для отыскания разбойников избирается по жребию военная стража во всех провинциях.

По отношению к виновным в оскорблении императорского величества и по отношению к общественным врагам всякий человек есть воин. Розыски распространяются на соучастников и свидетелей.

(9) Одного только христианина не дозволено отыскивать, а представлять дозволено, как будто отыскивание имеет сделать что-либо другое, кроме представления. Итак вы осуждаете представленного, которого никто не хотел отыскивать, который, мне кажется, уже не потому заслужил наказание, что виновен, а потому, что найден тот, которого не должно было найти.

(10) Вы поступаете с нами не по закону судопроизводства над преступниками и в том еще, что их, если они отрекаются, вы подвергаете пыткам для того, чтобы они признались, а нас — для того, чтобы мы отреклись. Но если бы действительно то было зло, что мы открыто признаем; то тогда мы, конечно, стали бы отрекаться, а вы принуждены были бы заставлять нас к признанию пытками. Вы не в праве полагать, что преступления не должно открывать при помощи розысков потому, что вы знаете о совершении их из признания имени; так как вы, зная, что такое человекоубийство, тем не менее, когда преступник сознается в этом, стараетесь узнать образ совершения этого преступления.

(11) Так как вы предполагаете о наших преступлениях из признания имени; то для вас тем преступнее принуждать нас отрекаться от этого признания, чтобы мы, отрекаясь от него, вместе с тем отреклись и от тех преступлений, о которых вы предполагаете из признания имени.

(12) Но, я полагаю, вы не хотите, чтобы мы, которых вы считаете отъявленными преступниками, гибли. Поэтому, конечно, вы обыкновенно, говорите человекоубийце: отрекайся, и если он упорствует в своем признании, то вы, обыкновенно, повелеваете подвергать его пыткам, как безбожника. Если вы поступаете с нами не так, как с виновными; то следовательно вы признаете нас невинными. Поэтому как будто вы не хотите, чтобы мы, невинные, оставались при своем признании, о котором вы знаете, что его должно осуждать по необходимости, а не по справедливости.

(13) Человек говорит во всеуслышание: я христианин. Он говорит то, что он есть; а ты хочешь услышать то, что он не есть. Вы, заботящиеся об открытии истины, от одних только нас стараетесь услышать ложь. Он говорит: я то, о чем ты спрашиваешь, я ли это. Зачем ты толкаешь меня на ложь. Я признаюсь, а ты подвергаешь пыткам. Что же ты стал бы делать, если бы я стал отрекаться? Другим, если они отрекаются, вы, конечно, не легко верите; а нам, если мы отрекаемся, вы тотчас верите.

(14) Такое извращение должно было бы навести вас на ту мысль, не скрывается ли здесь какая либо тайная сила, которая заставляет вас поступать вопреки формы, вопреки обычая судопроизводства и вопреки также самих законов.

Ибо, если я не ошибаюсь, законы повелевают открывать преступников, а не скрывать их; они предписывают осуждать признавшихся, а не освобождать. Таковы постановления сената, таковы мандаты императоров, такова та власть, служителями которой вы состоите. Ваше господство гражданское, а не деспотическое.

(15) У деспотов пытки употребляются и как наказание, а у вас они допускаются только для расследования дела. Ими храните вы закон до сознания, а если сознание предваряет их, то тогда они становятся уже ненужными. Тогда нужно решение; тогда преступник должен удовлетворить долгу наказания и не должен быть освобожден, поэтому никто и не желает освободить его;

(16) непозволительно желать этого; поэтому и никого не принуждают отрекаться. Христианина ты считаешь виновным во всякого рода злодеяниях, врагом богов, императоров, законов, обычаев, всей природы, и однако принуждаешь отрекаться, чтобы освободить его, которого ты не можешь освободить, если он не отречется.

(17) Ты действуешь против законов, ибо ты хочешь, чтобы он утверждал то, что он невинен, чтобы ты мог объявить его таким даже вопреки его желанию, и чтобы он не был ответствен за прошедшее. Откуда такое помрачение, что вы не поразмыслите о том, что должно более верить тому, кто сознается по доброй воле, чем тому, кто отрекается по принуждению? Принужденный к отречению разве искренне и по убеждению отречется? И освобожденный разве не может посмеяться тут же пред самым трибуналом над вашею ненавистью, сделавшись опять христианином?

(18) Итак поелику вы поступаете с нами во всем иначе, чем с прочими преступниками, домогаясь одного, чтобы мы отреклись от своего имени (мы, конечно, отрекаемся, если делаем то, чего не делают христиане), то отсюда вы легко можете понять, что в деле нашем нет никакого преступления, а есть только имя, которое какой-то дух враждебной силы преследует, стараясь прежде всего о том, чтобы люди не хотели точно звать то, относительно чего им прекрасно известно, что они не знают.

(19) Поэтому и верят относительно нас тому, что не доказано, и не хотят производить следствия, чтобы не было доказано, что того нет, верить чему они очень хотят, чтобы имя, ненавистное тому враждебному духу, осуждалось за преступления предположенные, а не доказанные, на основании одного только признания. Нас мучат, когда мы сознаемся; нас казнят, когда мы остаемся непоколебимы; и нас освобождают, когда мы отрекаемся, потому что сражение идет из-за имени.

(20) Наконец, почему вы с дощечки читаете вслух, что он христианин?

Почему не читаете, что он человекоубийца? Если христианин человекоубийца, то почему и не кровосмешник, или почему он не все то другое, существование чего вы признаете в вас? Наши только преступления вам стыдно или неприятно называть собственными именами. Если христианин не виновен ни в каком преступлении, то имя его есть преступление. Если преступление принадлежит одному только имени, то оно очень опасно.

3

(1) Что значит то, что очень многие, сомкнув свои глаза, так ненавидят это имя, что, давая о ком либо хороший отзыв, порицают его за одно имя. Один говорит: хороший человек Гай Сей, только что христианин. А другой говорит: я удивляюсь, что Луций Тиций, благоразумный муж, вдруг сделался христианином. Никто не поразмыслит, не потому ли Гай хорош и Луций благоразумен, что они христиане? Или не потому ли они христиане, что одни из них хорош, а другой благоразумен?

(2) Хвалят, то, что знают, порицают то, что не знают, и на то, что знают, нападают тем, чего не знают. Но справедливее было бы судить о неизвестном по известному, чем осуждать известное по неизвестному.

(3) Иные тех, которых они до принятия ими христианства знали за людей ветреных, пустых и бесчестных, порицают тем, чем хвалят. Они подают свои голоса во мраке ненависти. Какая женщина! Как игрива!

Как жадна до наслаждений! Какой молодой человек! Как игрив! Как склонен к любовным похождениям! И такие то люди сделались христианами. Итак причину исправления считают имя.

(4) Некоторые вступают в договор с этою ненавистью на счет своих выгод, с удовольствием соглашаются на несправедливость, лишь бы не иметь в доме того, что ненавидят. Муж, уже не ревнивый, прогоняет свою жену, уже верную. Отец, прежде снисходивший к своему сыну, теперь отказывается от него, уже послушного. Господин, некогда кроткий, теперь прогоняет с глаз долой раба, уже верного. Лишь только кто делается лучшим, благодаря этому имени, то тотчас возбуждает сильную ненависть. Не столь велико благо, сколь велика ненависть к христианам.

(5) Итак если ненавидят одно только имя, то спрашивается, в чем обыкновенно обвиняются имена или слова? Ни в чем другом, как только в том, что звучат барбаризмом, или предвещают несчастье, или содержат в себе злоречие и бесстыдство. Христианин же, как показывает этимология этого слова, происходит от помазания. Да и имя христианин, неправильно вами произносимое (ибо вы не знаете точно даже имени нашего), обозначает приятность или благодать. Итак ненавидят в людях невинных и имя невинное.

(6) Но секту ненавидят, конечно, за имя Основателя ее. Но что в том нового, если какая либо секта берет имя для своих последователей от имени своего основателя?

Не называются ли философы по своим основателям платониками, эпикурейцами, пифагорейцами? Не называются ли также они от мест своих собраний и школ стоиками и академиками? Равным образом медики не получили ли своего имени от Еразистрата, а грамматика — от Аристарха, а повара — от Апиция?

(7) Однако никого не ненавидят за имя, перешедшее вместе с учением учителя и на учеников. Конечно, если кто доказал бы, что Основатель худ и секта худа, тот доказал бы, что и имя худо, достойно ненависти за виновность секты и Основателя. Поэтому следовало бы прежде, чем ненавидеть имя, узнать секту по Основателю или Основателя по секте.

(8) Но так как вы пренебрегли следствием и познанием того и другого, то у вас остается одно только имя, против него только одного идет война, один только простой звук осуждает и неизвестную секту и неизвестного Основателя, потому что эти последние только называются, а не изобличаются.

4

(1) Итак, сделав как бы предисловие для порицания несправедливости общественной ненависти к нам, начну уж защищать дело невинное, и не только отвергну то, в чем нас обвиняют, но и обращу это на самих обвинителей, чтобы отсюда люди знали, что христиане не имеют того, что, как им известно, есть у них самих, и чтобы они устыдились, обвиняя, не говоря, худшие — лучших, но по крайней мере равные — равных себе.

(2) Мы будем отвечать отдельно на все то, что, как говорят, мы делаем тайно, но что, как мы знаем, совершают явно те самые, которые нас считают злодеями, лжецами, людьми, достойными осуждения посмеяния. Когда наша истина дает отказ всему, то против нее наконец выставляется авторитет законов.

(3) Говорят: после законов не должно делать рассуждений; хочешь, не хочешь, а повиновение им должно предпочитать самой истине. Поэтому я с вами, как хранителями законов, вступлю в прения о законах.

(4) Во-первых, какое жестокое постановление вы делаете, говоря: вам не позволено быть. И это вы предписываете без всякого гуманного рассуждения; вы объявляете насилие и несправедливую тиранию, если утверждаете, что нам не дозволено быть потому, что так вам угодно, а не потому, что того требует долг.

(5) Если вы не хотите позволять потому, что не должно позволять, то, без сомнения, не должно позволять то, что худо, и, конечно, этим самым предполагается, что должно позволять то, что хорошо. Если я найду, что то хорошо, что закон твой запретил, то может ли он по тому предварительному рассуждению запрещать мне то, что он в праве был бы запретить, если бы оно было зло. Если твой закон впал в заблуждение, то, полагаю, он принят от человека, а не произошел конечно от Бога.

(6) Удивляетесь ли вы или тому, что человек мог ошибиться, составляя законы, или тому, что он поправил свою ошибку, отвергая их? Ибо законы и самого Ликурга, исправленные лакедемонянами, не принесли ли издателю их столько скорби, что он осудил себя самого на голодную смерть в уединении.

(7) Да и вы, благодаря опыту, освещающему мрак древности, не изменяете ли и не отменяете ли ежедневно древние и негодные законы новыми рескриптами и эдиктами императоров?

(8) Север, консервативнейший император, не изменил ли недавно пустейшие Папиевы законы, которые повелевали рожать прежде, чем законы Юлиевы — вступать в брак, не смотря на древность этих законов?

(9) Были некогда законы, по которым осужденные должники разрубались на части своими кредиторами. Но такие жестокие законы по общему согласию отменены, и смертная казнь заменена позорным знаком.

Употреблявшееся объявление об аукционной продаже имущества хотело скорее подлить крови в человека, чем вылить ее из него.

(10) Сколько у вас доселе есть таких законов, которые должно исправить? Законы делает неприкосновенными не число лет, не авторитет их издателей, а одна только справедливость. Поэтому когда делается известною их несправедливость, то они по заслугам осуждаются, хотя и сами осуждают. Как мы называем законы несправедливыми?

(11) Если они наказывают за одно только имя, то мы называем их не только несправедливыми, но даже глупыми. Если же наказывают дела, то почему наказывают дела на основании одного только имени. У других наказывают дела после доказательства их виновности, а не на основании одного только имени? Я кровосмешник; почему не производят следствие надо мною. Я детоубийца; почему меня не подвергают пыткам. Я допускаю нечто против богов, против императоров; почему не выслушивают меня, который имеет, чем защититься?

(12) Никакой закон не запрещает расследовать то, что запрещает делать; ибо ни судья не может наказывать справедливо, если не узнает, что сделано то, что не дозволено делать, ни гражданин не может верно повиноваться закону, если не знает того, что закон наказывает.

(13) Никакой закон не обязан одному только себе сознанием своей справедливости, но он обязан этим и тем, от кого ожидает повиновения. Но тот закон подозрителен, который не желает, чтобы его критиковали. Если же закон господствует без критики, то он произволен.

5

(1) Чтобы сказать что-либо о происхождении такого рода законов, то было древнее постановление, по которому никакой император не мог включать в сонм богов никого без соизволения на то сената. Это знает М. Эмилий по делу своего бога Албурна. В пользу нашу говорит и то, что у вас Божество зависит от человеческого произвола.

Если Бог не угоден будет человеку, то не быть Ему богом. Человек уж должен оказывать милость Богу.

(2) Поэтому Тиберий, во время которого имя христианское появилось в мир, донес сенату то, что сообщено ему было из Сирийской Палестины, именно, что там открыли истинного Бога, с выражением своего мнения. Но сенат не принял его мнения, так как сам предварительно не исследовал дела. Император же остался при своем мнении и грозил обвинителям христиан наказанием.

(3) Раскройте свои комментарии и там вы найдете, что Нерон первый свирепствовал с своим императорским мечем против этой секты, которая распространялась в особенности в Риме. Но такой виновник нашего гонения доставляет нам даже славу; ибо кто знает его, тот может понять, что он ничего не преследовал, кроме великого блага.

(4) Преследовал нас и Домициан, часть Нерона по жестокости. Но так как в Домициане еще было нечто человеческое, то он скоро прекратил то, что начал, возвративши даже тех, которых отправил в ссылку. Таковы всегда наши преследователи, люди несправедливые, нечестивые, опозоренные, которых и сами вы, обыкновенно, осуждаете и осужденных которыми оправдываете.

(5) Но из стольких императоров, следующих за ними до настоящего включительно, знающих предметы божественные и человеческие, укажите хоть одного, который гнал бы христиан.

(6) А мы напротив Марка Аврелия, серьезнейшего императора, объявляем покровителем их, если найдено будет то письмо его, в котором он свидетельствует, что жажда германского войска его была утолена дождем, испрошенным молитвами воинов христианских. Хотя он прямо не отменил наказаний христиан, однако на самом деле некоторым образом устранил их, определив обвинителям их осуждение даже тягчайшее.

(7) Каковы поэтому те законы, которыми пользуются против нас люди только нечестивые, несправедливые, развращенные, жестокие, низкие, безумные?

Эти законы обошел отчасти Траян, запретив разыскивать христиан. Этими законами не пользовался ни Адриан, хотя он старался узнать все таинственное, ни Веспасиан, хотя он завоевал иудеев, ни Пий, ни Вер.

(8) Конечно, должно полагать, что худшие люди должны быть истребляемы скорее лучшими людьми, как противниками своими, чем своими сообщниками, то есть, худшими.

(1) Теперь я желал бы, чтобы благоговейнейшие защитники и охранители отеческих законов и обычаев сказали мне о своей верности, о своем почтении и повиновении постановлениям предков, если они ни от одного из них не отступили, если они ни в одном из них не произвели изменений, если они не уничтожили всего необходимого и наилучшего для дисциплины.

(2) Куда же исчезли те законы, которые воспрещали роскошь и тщеславие, которые повелевали тратить на обед не более ста ассов и подавать на стол не более одной курицы и притом неоткормленной, которые изгоняли из сената патриция, как мужа тщеславного, за то, что он имел десять фунтов серебра, которые разрушали театры немедленно после их появления, так как они развращали нравы, которые не позволяли без основания и ненаказанно пользоваться почетными должностными и родовыми знаками?

(3) Ибо я вижу и сотенные обеды, которые должно так называть потому, что на них затрачивают уже сотни тысяч сестерций, — и слитки серебра, обращенного в блюда, и это последнее не только у сенаторов, но даже и не у вольноотпущенников или у тех, которые еще рвут бичи.

Вижу я театры, не совсем одинокие и не обнаженные. Ибо, чтобы бесстыдное удовольствие не озябло и зимою, лакедемоняне первые выдумали для зрелищ ненавистную пенулу. Вижу, что между матронами и публичными женщинами не осталось никакого различия в одежде.

(4) Исчезли также и те институты предков, которые охраняли умеренность и воздержность женщин, когда ни одна женщина не носила золота, исключая одного пальца ради брачного кольца, которое жених давал в залог любви, когда женщины так воздерживались от вина, что одна матрона за отпечатание шкафчиков винного погреба была наказала от своих родственников голодною смертью, а другая во времена Ромула была безнаказанно умерщвлена своим мужем Метением за то, что дотронулась до вина.

(5) Женщины должны были целовать своих родственников для того, чтобы последние могли судить о первых по их дыханию.

(6) Где то счастье браков, которое зависело, конечно, от добрых нравов и благодаря чему почти в течение 600 лет от основания Рима ни один брак не был расторгнут? А теперь всякий член женщин обременен золотом, ни одни женские уста не свободны от вина, а развод сделался предметом желания и как бы необходимым результатом брака.

(7) Даже то, что отцы ваши мудро постановили по отношению к самим богам вашим, вы, послушнейшая чада их, также отменили. Отца Либеры с его мистериями консулы по постановлению сената изгнали не только из Рима, но даже из всей Италии.

(8) Сераписа, Изиду и Арпократы с его Собачьею головою консулы Пизон и Габиний, которые, конечно, не были христианами, удалили из Капитолия, то есть, из курии богов, разрушив даже их жертвенники, чтобы положить конец их культуре, полному суеверий и безнравственности. А вы, возвратив их, оказали им величайшую почесть.

(9) Где тут ваша религиозность? Где тут у вас должное уважение к предкам? Вы оставили их одежду, пищу, домашнюю обстановку, образ мыслей и наконец самую речь.

Вы постоянно хвалите старину, а между тем ежедневно живете по новому. Так как вы отступили от хороших институтов своих предков, то отсюда ясно, что вы удерживаете и охраняете только то, что не должно удерживать и охранять, тогда как не охраняете того, что должно охранять.

(10) В своем месте я покажу, что и то, преданное вам отцами, что вы, по-видимому, весьма верно сохраняете, за нарушение чего вы считаете христиан особенно виновными, — я разумею вашу ревность в почитании богов, относительно чего древность особенно заблуждалась, — вы также презираете, пренебрегаете и вовсе уничтожаете вопреки авторитету предков, хотя вы соорудили жертвенники Серапису, уже римскому, хотя вы совершаете неистовство в честь Бахуса, уже италийского.

(11) Ибо теперь я буду отвечать на обвинение нас в тайных преступлениях, чтобы очистить себе путь к критике явных преступлений.

(1) Нас называют величайшими преступниками за таинство убиения детей, за едение их потом и за кровосмешение после пира, о чем заботятся собаки, опрокидывая светильники и устроая чрез это своднический мрак для стыдливости, вызываемой преступнейшими похотями.

(2) Впрочем в этих преступлениях нас всегда обвиняют, но вы не стараетесь открыть то, в чем так давно нас обвиняют. Итак или откройте это, если верите; или не верьте, если не открыли. Ваше укрывательство свидетельствует вам, что нет того, чего вы сами не дерзаете открыть. Совершенно иную обязанность вы возлагаете на палача, именно не ту, чтобы она говорили, что делают, а ту, чтобы они отвергали то, что они есть.

(3) Начало нашего учения идет, как я уже сказал, со времен Тиберия. Истина начала свое существование одновременно с ненавистью к себе: лишь только она появилась, немедленно сделалась ненавистною. У нее столько врагов, сколько чужих, и, конечно, по особенным причинам. Так иудеи враждебны к ней по соревнованию, воины — по вымогательству, рабы — по обыкновению.

(4) Мы ежедневно находимся в блокаде, нас ежедневно открывают, нас весьма часто захватывают в самых наших собраниях и сходках. Кто однако когда либо наткнулся при этом на плачущее дитя?

(5) Кто сохранил для судьи окровавленные уста циклопов и сирен в том виде, в каком и нашел их? Или кто в женах заметил какие либо следы неверности? Кто, наконец, открыв такие преступления, скрыл бы их? Или кто продал бы их, ведя с собой самих преступников? Если мы всегда скрываемся, то когда же сделалось известным то, что мы совершаем? Или лучше, кем это могло быть открыто?

(6) Самими преступниками во всяком случае не могло быть открыто это, потому что и по закону всех мистерий клятва молчания обязательна. Поэтому мистерии самофракийские и елевзинские тщательно скрываются. Не гораздо ли более должны быть скрываемы те мистерии, которые, будучи открыты, вызывают теперь человеческие наказания, хотя хранятся самим Богом?

(7) Итак, если мы сами не открываем своих мистерий, то, конечно, их открывают сторонние. А откуда они знают о них, когда даже дозволенные мистерии не допускают к себе непосвященных и остерегаются всякого рода свидетелей, разве только недозволенные не боятся?

Природа молвы всем известна. Вам принадлежит следующее изречение: молва есть зло, быстрее которого нет ничего другого.

Почему молва есть зло? Потому что быстра? Потому что доносит? Или потому что весьма часто бывает лжива? Она даже и тогда, когда сообщает какую либо истину, не обходится без лжи: она отнимает от истины что либо, прибавляет к ней что либо и вообще изменяет ее.

(9) Что? Ложь есть необходимое условие для существования молвы: она тогда только и продолжает свое бытие, когда передает неправду, и живет до тех пор, пока не докажет. Лишь только она докажет, то перестает существовать, и, как бы исполнивши свою обязанность донесения, передает факт, и с тех пор факт хранится и факт называется.

(10) Никто, например, тогда не говорит: сказывают, что это случилось в Риме, или есть молва, что он получил провинцию по жребию, но говорят: он получил провинцию по жребию, и: это случилось в Риме.

(11) Молва, как название недостоверного, не имеет места там, где достоверно. В самом деле верит ли кто-нибудь молве, кроме глупого? Ибо мудрый не верит неверному. Всем должно подумать о том, как происходит молва. Как бы широко ни была она распространена, как бы основание ее, по-видимому, ни было прочно; тем не менее она первоначально должна была произойти от кого либо одного.

(12) потом она мало помалу распространяется, проходит по различным языкам и ушам, и с течением времени никто уже не думает о том, что первые уста не посеяли ли ложь. А это бывает часто или по изобретательности зависти, или по произволу подозрения, или по врожденной у некоторых склонности ко лжи.

(13) Но хорошо, что время все открывает, как свидетельствуют ваши пословицы и мудрые изречения, по воле самой природы, которая так устроила, что ничто долго не скрывается, даже и то, о чем молва не сделала донесения.

(14) Итак не без достаточного основания одна только молва столь долго свидетельствует о злодеяниях христиан. Вы выставляете против нас такого свидетеля, который то, о чем некогда донес и что в течение столь большого периода времени довел до общего мнения, еще не был в состоянии доказать.

8

(1) Чтобы обратиться к свидетельству самой природы против тех, которые предполагают, что этому должно верить, вот мы объявляем награду за эти преступления: они обещают вечную жизнь. Поверьте этому теперь. Ибо я хочу спросить тебя о следующем: и ты, который поверишь, будешь ли иметь столько силы, чтобы достигнуть этой награды, зная вот что:

(2) приди, вонзи нож в дитя, которое ни к кому не относится враждебно, которое ни в чем не виновно, которое есть сын всех. Если же все это лежит на обязанности другого, то ты только присутствуй при человеке, который умирает прежде, чем начал жить; выжидай выхода молодой души; лови невинную кровь; напой ею хлеб свой, ешь его с наслаждением.

(3) Между тем, сядь за стол, высчитывай места, на которых находятся мать, сестра; замечай эти места тщательно, чтобы тебе не ошибиться, когда наступит собачья тьма, ибо ты совершишь беззаконие, если не сделаешь кровосмешения.

(4) Приняв такое посвящение и такую печать, ты будешь жить вечно. Желая, чтобы ты ответил мне: вечность имеет ли такую цену, или нет? Если не имеет, то в таком случае не должно верить в нее. Но

допустим, что ты уверовал в нее, тогда я буду отрицать, чтобы ты пожелал ее. Допустим, что ты пожелал, тогда я буду отрицать, чтобы ты мог. Итак почему другие могут, если вы не можете? Почему вы не можете, если другие могут?

(5) Я полагаю, что мы другой природы, мы цинопенны или сциаподы; у нас другое устройство зубов, у нас другие нервы для распутной страсти. Ты, который допускаешь это в человеке, можешь и сам это делать; ибо и ты сам такой же человек, как и христианин. Ты, который не можешь это делать, не должен верить этому: ибо и христианин такой же человек, как и ты.

(6) Но христиане подвергаются всему этому по неведению. Им ничего такого не было известно о христианских мистериях, хотя, конечно, они знали, что эти мистерии должны в точности исполнять и со всей тщательностью отыскивать.

(7) Но, я полагаю, желающие посвятить себя в известные мистерии обыкновенно предварительно обращаются к главному жрецу их с тем, чтобы он сообщил им, что от них требуется.

Тогда он сказал бы: тебе необходимо дитя и притом молодое, которое не знало бы, что такое смерть, которое смеялось бы при виде твоего ножа; необходим также хлеб, чтобы им собрать кровяную жижу; кроме того, необходимы и подсвечники, и лампы, ж собаки, и куски, которые побудили бы опрокинуть светильники, а главное ты должен будешь придти с своею матерью и сестрою.

(8) Что если они не захотят, или если их не окажется? Сколько действительно христиан одиноких? Я думаю, ты не будешь законным христианином, если ты не брат и не сын.

(9) Пусть о всем этом желающие принять христианство не знают до принятия христианства, но зато они после узнают, признают своим и исполняют. Боятся наказаний те, которые заслужили бы покровительство, если бы объявили, которые даже добровольно пожелали бы скорее погибнуть, чем жить при таком условии. Положим, что они боятся, но почему же они продолжают быть христианами? Ибо, конечно, ты не пожелал бы более быть тем, чем ты не был бы, если бы знал наперед.

9

(1) Чтобы еще более защитить себя от этих преступлений, я покажу, что вы сами их совершаете частью явно, частью тайно, почему вы, быть может, верите в существование их среди нас.

(2) В Африке явно приносили детей в жертву Серапису до проконсульства Тиберия.

Он повесил самих жрецов на тех же деревьях храма его, укрывателей преступлений, на посвященных ему крестах. Так свидетельствуют воины нашего отечества, которые совершили это самое дело при том проконсуле.

(3) Но тайно и теперь совершается это священное дело. Не одни только христиане презирают вас; никакое преступление не искореняется на веки, и никакой бог не изменяет своего нрава.

(4) Если Сатурн не пощадил собственных сыновей, то тем более он не щадил чужих детей, которых сами родители ему приносили, охотно обещали и ласкали их, чтобы они приносились в жертву без слез.

(5) Галлы приносили в жертву Меркурию взрослых. Таврические драмы я оставляю для их театров. Вот в знаменитом, религиознейшем городе потомков Энея есть один Юпитер, в честь которого во время игр его проливают человеческую кровь. Но вы говорите: это кровь гладиатора. А он разве не человек?

Не становится ли гнуснее жертва от того, что предметом ее служит дурной человек?

Однако действительно кровь проливается вследствие человекоубийства. О Юпитер христианин и единственный сын отца благодаря жестокости его!

(6) Но так как нет никакого различия между детоубийством религиозным и произвольным, хотя есть различие между человекоубийством и убиением собственных детей; то я обращаюсь к народу.

Из этих стоящих кругом и разинувших пасти на кровь христиан, даже из вас самих, справедливейших и весьма строгих по отношению к нам, сколько таких, которые пожелают дозволить мне толкнуться к совести их с вопросом, кто умерщвляет собственных детей.

(7) Действительно, есть различие и в способе умерщвления. Во всяком случае более жестоко лишать дыхания водою, выбрасывать на холод, голод и собакам, ибо умереть от ножа пожелал бы и взрослый.

(8) Так как нам раз навсегда запрещено человекоубийство, то не дозволяется истреблять даже зародыш, когда кровь еще образуется в человеке. Воспрепятствовать рождению человека значит преждевременно умертвить его, и нет различия между тем, исторгает ли кто из тела душу уже рожденную, или уничтожает ее рождающуюся. Человек уже и тот, который имеет сделаться человеком; и уже в семени заключается весь плод.

(9) Об употреблении крови в пищу и о подобных трагических блюдах читайте то, что где-то рассказывается (полагаю у Геродота), что некоторые народы при заключении договора выпускали из рук кровь и давали друг другу пить ее. Что-то подобное пили, кажется, при Катилине. Говорят, что некоторые скифы съедают каждого своего родственника после его смерти.

(10) Зачем далеко ходить? Вот тут доселе знаком посвящения, в мистерии Беллоны служит то, что из надрезанной ляжки берется кровь в ладонь и пьется.

(11) Также где находятся те, которые, желая избавиться от падучей болезни, с жадностью пьют свежую кровь зарезанных на арене преступников во время гладиаторских игр? Где же те которые едят мясо диких животных, взятых с арены, которые стараются приобрести себе вепря, оленя? Тот вепрь при борьбе вытер досуха того, кого окровавил, а этот олень лежал на крови гладиатора. Вы сильно желаете мяса таких медведей, которые еще не успели переварить в своих желудках растерзанных ими людей. Поэтому человек, севший такое мясо, рыгает человеком.

(12) Как далеко ушли от пиршеств христианских вы, которые едите это?

Меньше ли делают те, которые с дикою страстью открывают рты для человеческих членов, потому что они пожирают живых. Не оскверняются ли они человеческою кровью, потому что лижут будущую кровь? То правда, что они не едят детей, но зато едят взрослых.

(13) Все это заставляет христиан краснеть, которые не вкушают крови даже животных, которые воздерживаются от всякой удавленины и мертвечины из опасения, как бы не оскверниться скрывающеюся внутри кровью.

(14) Наконец между употребляемыми вами пытками христиан находятся и ботулы, наполненные кровью. Вы прекрасно знаете, что христианам не дозволено то, чрез что вы хотите отклонить их от христианства. Как вы верите, что те, которых думаете устрашить животной кровью, открывают свои рты для крови человеческой, разве только вы узнали, что последняя приятнее первой?

(15) Вам для испытания христиан должно было бы употреблять и человеческую кровь, подобно тому, как вы употребляете жертвенник и ларчик, ибо христиане чрез вкушение крови человеческой узнавались бы точно так же, как узнаются они чрез отрицание приносить жертвы. Если бы они стали есть кровь, то это значило бы тоже, как если бы они не стали приносить жертвы. А в человеческой крови у вас при допросе арестантов и осуждении их, конечно, не было бы недостатка.

(16) Равным образом кто более виноват в кровосмешениях, как не те, которых сам Юпитер научил этому? Ктезий рассказывает, что персы имеют сокоупления с своими матерями. Да и македоняне, кажется, не невинны в этом.

(17) Порассудите теперь о том, сколько случаев к кровосмешению представляется необузданной похоти. Во первых вы выбрасываете детей в надежде на то, что их поднимет сострадательная рука какого-либо прохожего. Вы далее отказываетесь от них в пользу лучших родителей, которые принимают их к себе путем усыновления. Неизбежно бывает, что с течением времени память о чужом роде исчезает, и если только однажды произошло кровосмешение, то оно потом с успехом распространяется.

(18) Тогда потом похоть является спутником на всяком месте: дома, вне дома, за морями. Необузданность ее легко может производить детей от кровных родственников, не зная этого.

(19) Нас от этого и подобного этому удерживает необыкновенное целомудрие.

Насколько мы удалены от прелюбодеяния и неверности супружеской, настолько же и от случаев к кровосмешению. Некоторые гораздо вернее устраняют всякую возможность к этому преступлению тем, что проводят жизнь девственною. Это — старцы, дети.

(20) Если бы вы подумали о том, что это есть у вас, то тогда узнали бы, что этого нет у христиан. Одни и те же глаза вам возвестили бы и то и другое. Но два вида слепоты так легко сходятся, что тем, которые не видят того, что есть, кажется, что они видят то, чего нет. Так я буду доказывать все, в чем обвиняют нас. Теперь буду говорить о явных преступлениях.

10

(1) Вы говорите: вы не почитаете богов и не приносите жертв за императоров.

Конечно, мы не приносим жертв за других потому, что не приносим их и за самих себя. Мы раз и навсегда отвергли почитание ваших богов. Поэтому нас обвиняют в оскорблении религии и императорского величества. В этом состоит самая главная вина наша, даже вся, и поэтому должно тщательно рассмотреть ее, чтобы узнать, не осуждает ли нас в этом предрассудок или несправедливость, из которых первый презирает истину, а последняя отрицает ее.

(2) Мы перестаем почитать ваших богов с того самого момента, когда узнаем, что они не боги. Итак вы должны потребовать от нас, чтобы мы доказали, что они действительно не боги, и потому их не должно почитать, так как тогда только должно было бы почитать их, когда они были бы действительно боги. И христиан должно было бы наказывать в том только случае, если бы было несомненно, что те, которых они не почитают, потому что думают, что они не боги, на самом деле боги.

(3) Но вы говорите: у нас они боги. Поэтому мы обращаемся к совести вашей и апеллируем к ней. Пусть она будет нашим судьей, пусть она обвинит нас, если может отвергнуть, что все ваши боги были люди.

(4) Если и она сама упрется на своем, то будет избалована во лжи известными ей памятниками древности, свидетельствующими до сего дня и о городах, в которых они рождены, и о странах, в которых остались следы их деятельности и в которых показывают места их погребений.

(5) Итак говорить ли мне теперь о каждом богах отдельно, столь многих и столь великих: о новых, древних, варварских, греческих, римских, чужестранных, плененных, усыновленных, частных, общих, мужеских, женских, деревенских, градских, морских, военных?

(6) Излишне представлять даже роды их.

Я хочу сказать кратко и вообще, и не с тем, чтобы научить вас, но с тем, чтобы напомнить вам, ибо вы представляете себя забывшими о происхождении своих богов.

До Сатурна у вас не было никакого бога: от него происходят все ваши боги, даже лучшие и известнейшие. Поэтому, что будет установлено о предке, то будет идти и к его потомкам.

(7) Но Сатурна, по свидетельству письменных памятников, все признают за человека, именно: Диодор Греческий, Фалл, Кассий Север, Корнелий Непот и все исследователи религиозных древностей. То же свидетельствуют о нем и памятники вещественные. Самые достоверные памятники этого рода находятся, по моему мнению, в Италии. Там Сатурн после продолжительного странствования и после посещения Аттики поселился, будучи принят Янусом или Яном, как думают салии.

(8) Гора, на которой он поселился, названа была Сатурнийскою. Город, который он основал, доселе называется Сатурнией. Наконец вся Италия, носившая прежде имя Энотрии, называлась также Сатурнией. От него получили начало письма и чеканка монеты, и поэтому он охраняет общественную казну.

(9) А если Сатурн — человек, то, конечно, он произошел от человека. А если он произошел от человека, то, стало быть, не от неба и земли. Но так как родители его были неизвестны, то легко было назвать его сыном тех, детьми которых и все мы можем считаться, ибо кто не может назвать небо и землю своими родителями из благоговения и почтения к ним.

(10) Или он назван был сыном неба вследствие человеческой привычки говорить о лицах неизвестных и появляющихся неожиданно, что они пришли с неба. Толпа называет сыновьями земли тех, происхождение которых ей неизвестно. Я умалчиваю о том, что тогда люди были еще так неразвиты, что вид каждого нового человека смущал их, как вид божественный, потому что и теперь люди уже развитые включают в сони богов тех, которых за несколько дней пред тем признавали мертвецами общественным трауром.

(11) Довольно о Сатурне и этих немногих слов. Отсюда следует, что и Юпитер — человек, так как он произошел от человека, и все потомство его — люди, так как оно произошло от людей.

11

(1) Так как вы, не дерзая отрицать того, что ваши боги были люди, утверждаете, что они сделались богами после смерти, то мы рассмотрим те причины, которые потребовали этого.

(2) Прежде всего вам необходимо допустить, что есть какой-то высший Бог и какой-то манцип божества, который из людей сделал богов. Ибо и сами они не могли дать себе божества, так как его у них не было, и никто другой не мог дать его им не имеющим, кроме того, который собственно владеет им.

(3) А если бы не было никого, который делал бы богов, то ваше предположение, что боги сделаны, не имело бы никакого значения вследствие уничтожения делателя их.

Конечно, если бы люди сами могли делать себя богами, то они никогда не были бы людьми потому именно, что они в себе самих имели бы силу на лучшее бытие.

(4) Итак, если есть существо, которое делает из людей богов, то я обращаюсь к рассмотрению причин побудивших сего сделать из людей богов, и не нахожу ничего, кроме того, что оно, Бог великий, нуждалось в услугах и помощи для своих божеских дел. Но во-первых недостойно его нуждаться в чьей бы то ни было помощи, и тем более в помощи мертвеца. Для великого Бога, если бы он действительно имел нуждаться в помощи мертвеца, гораздо достойнее было бы сделать кого либо богом с самого начала.

(5) Но я не вижу места помощи. Ибо вся эта мировая система, считать ли ее вечною и несотворенною, согласно с Пифагором, или временною и сотворенною, подобно Платону, конечно, в самом начале была устроена и расположена, насколько возможно, разумно. То не могло быть несовершенным, что все совершало.

(6) Сатурна и Сатурново потомства ничто не ожидало. Глупы были бы люди, если бы не знали, что с самого начала и дождь лил с неба, и звезды испускали лучи, и молния блистала, и гром гремел, и сам Юпитер боялся молниеносных стрел, которые вы влагаете в его руку. Также глупы были бы люди, если бы не знали, что всякий плод был в изобилии прежде и Либера, и Цереры, и Минервы, даже прежде первого человека,

сотворенного из земли, потому что ничто, предусмотренное для поддержания и сохранения человека, не могло появиться после человека.

(7) Говорят также, что боги не сотворили средств к жизни, но по крайней мере нашли их. Но что находят, то уже существовало. А что существовало, за то должен цениться не тот, кто нашел, а тот, кто произвел, ибо он был прежде, чем тот, кто нашел.

(8) Но если Либер потому сделался богом, что познакомил с виноградом, то несправедливо поступили с Лукуллом, который первый сделал в Италии известной понтийскую вишню, потому что он не был обоготворен, как виновник нового плода, им открытого.

(9) Поэтому если вселенная с самого начала и была устроена и управлялась определенными законами, по которым она должна была исполнять свои обязанности, то с ее стороны нет основания делать людей богами.

То, что вы приписали своим богам, было с самого начала, и оно продолжало бы существовать, если бы вы и не сделали своих богов.

(10) Но перейдем к другому основанию. Вы утверждаете, что причиною дарования людям божества были заслуги их. Полагаю, что вы и здесь должны допустить, что Бог, творящий богов, и всех и вся превосходит справедливостью, и что он поэтому не случайно и не без особенных заслуг даровал божество, такую великую награду.

(11) Поэтому я хочу рассмотреть заслуги их, таковы ли они, что вознесли их на небо, или таковы, что скорее низвергли их в бездну ада, который вы, когда вам бывает угодно, считаете местом подземных наказаний.

(12) Ибо туда обыкновенно упрятывают и тех, которые безбожны, и тех, которые не почитают родителей, и тех, которые совершают кровосмешения с своими сестрами, и тех, которые нарушают супружескую верность, и тех, которые похищают девиц, и тех, которые оскверняют отроков, и тех, которые тиранят, и тех, которые убивают, и тех, которые воруют, и тех, которые обманывают, и всех, кто только подобен какому либо вашему богу.

Вы каждого своего бога не можете защитить от преступления или порока, если не в состоянии отвергнуть то, что он был человек.

(13) Но если вы не можете отвергнуть то, что ваши боги были люди, то им принадлежит то, что не дозволяет верить, что они сделались богами впоследствии. Ибо если вы председательствуете для наказания вышеозначенных преступников, если вы, как люди честные, удаляетесь от общения с ними в торговле, в разговорах, в пирах, а тот великий Бог призвал подобных им к участию в своем величии: то зачем осуждаете тех, коллег которых обоготворяете?

(14) Ваша справедливость есть поругание неба. Чтобы угодить богам, делайте богами всех, преступников. Обоготворение подобных им есть честь их.

(15) Но перестанем говорить о такого рода богах. Положим, что ваши боги люди и честные, и невинные, и добрые, почему же вы оставили в аде людей лучших: по мудрости — Сократа, по справедливости — Аристиды, по военному искусству — Фемистокла, по великодушию — Александра, по счастью — Поликрата, по богатству — Креза, по красноречию — Демосфена?

(16) Кто из ваших богов серьезнее и мудрее Катона, справедливее и победоноснее Сципиона? Кто благороднее Помпея, богаче Красса, красноречивее Туллия? Насколько достойнее было бы того Бога подождать их, чтобы принять в число богов, так как, конечно, Он наперед знал их за лучших людей? Он, я полагаю, поторопился и раз навсегда закрыл небо, и теперь, конечно, стыдится, когда люди лучшие ворчат в аду.

12

(1) Довольно уж об этом. Я знаю, что я от лица самой истины Докажу, что не ест ваши боги, когда покажу, что они есть. Сколько бы я ни занимался исследованием ваших богов, я вижу только имена некоторых древних мертвецов, я слышу только басни и открываю религиозные обряды, основанные на баснях.

(2) Что касается до самых изображений, то я в них ничего не вижу, кроме того, что они по материалу сестры сосудам и обыкновенной домашней утвари, или что они, быв прежде сосудами и обыкновенною домашнею утварью, изменяют свою судьбу путем освящения, после того как художник по своему произволу дает им новую форму, обращаясь с ними во время самой работы весьма презрительно и святотатственно. Поэтому нам, которых наказывают особенно за ваших богов, может быть утешением в наказаниях то, что и сами боги терпят то же самое, когда их делают.

(3) Христиан вы пригвождаете ко крестам и столбам; но какому изображению не дает формы прежде глина, которую налагают на крест и столб? Тело вашего бога появляется первоначально на дыбе.

Бока христиан вы скребете железными когтями; но чрез все члены ваших богов еще сильнее проходят плотничьи топоры, рубанки и пилы. Мы кладем шеи; но ваши боги до употребления свинца, клея и гвоздей бывают без голов. Нас бросают к зверям, но, ко, к тем, которых вы употребляете для Бахуса, Цебелы и Целесты.

(5) Нас жгут огнем; но тоже терпят и ваши боги в первой своей форме. Нас осуждают в рудники; но оттуда происходят и ваши боги. Нас ссылают на острова; но, обыкновенно и какой-нибудь бог ваш на острове или рождается, или умирает. Если таким образом приобретается божество ваших богов, то тех, которых наказывают, боготворят, и самые наказания должны считаться обожествлениями.

(6) Но, конечно, ваши боги не чувствуют тех оскорблений и поношений, которые они претерпевают во время своей фабрикации, подобно тому, как они не чувствуют и того повиновения, которое им оказывают. О безбожные слова, о богохульная брань! Скрежьте!

Пеньтесь! Вы те же самые, которые хулили некоего Сенеку, говорившего о ваших суевериях еще больше, еще...(резче?). Итак, если мы не почитаем статуй и изображений, которые холодны, подобно тем мертвецам, коих они представляют, и о которых имеют понятие и коршуны, и мыши, и пауки; то мы не заслуживаем ли скорее похвалы, чем наказания за то, что, узнав заблуждение, отвергли его. Ибо можем ли мы оскорблять тех, относительно которых убеждены, что их вовсе нет. Чего нет, то не может ни от кого ничего терпеть, потому что его нет.

13

(1) Но вы говорите: для нас они боги. А почему же вы поступаете с своими богами и нечестиво, и святотатственно, и безбожно? Почему вы презираете тех, о которых предполагаете, что они есть? Почему вы истребляете тех, которых боитесь? Почему вы смеетесь над теми, которых защищаете?

(2) Подумайте: лгу ли я? Во-первых, так как одни из вас почитают одних богов, другие других; то вы, конечно, оскорбляете тех, которых не почитаете. Предпочтение одного не может быть без оскорбления другого, потому что не может быть выбора без неодобрения.

(3) Поэтому вы презираете тех, которых не одобряете и которых не боитесь оскорблять тем, что не одобряете. Ибо, как мы выше сказали, положение каждого бога зависимо от воли сената. Тот не был богом, которого сенат не пожелал бы и которого поэтому отверг бы.

(4) С домашними богами, которых вы называете ларами, вы поступаете по домашнему праву: вы их иногда закладываете, продаете, переделяете. Сатурна, например, в ночной горшок, Минерву — в лохань. Этому подвергается каждый бог, когда от долгого почитания изотрется, или разобьется, или когда у хозяина явится более священная, хозяйственная потребность.

(5) Общественных богов вы позорите по праву общественному: вы их продаете с публичного торга. За тем же идут и на Капитолий, за чем и на овощной рынок. Боги, объявленные продажными с аукциона, берутся на откуп при обычных словах герольда, при обычном копье, при обычной заботе квестора.

(6) Но поля, обложенные податью, дешевле; люди, платящие подушное, считаются менее благородными, ибо это знак рабства; а боги, чем большею податью обложены, тем более священны, или напротив, чем более священны, тем большею податью обложены. Величие делается ростовщиком. Религия ходит по улицам, прося милостыни. Вы требуете платы за место храма, за вход во святилище.

Познавать богов бесплатно нельзя: они продажны.

(7) Что вы в честь их делаете такого, чего вы не делаете и в честь своих мертвецов? Храмы и жертвенники вы сооружаете одинаково как для тех, так и для других. На статуях их те же одежды и те же почетные знаки. Какой возраст, какое искусство, какое занятие имел покойник, тот же возраст, тоже искусство и тоже занятие имеет и бог. Чем отличается похоронный обед от пира Юпитера, оба — от жертвенной ложки, поллинктор — от гарусника? Ведь и гарусник является к мертвым.

(8) Но умершим императорам вы по справедливости оказываете честь божескую, так как такую же честь вы оказываете им и при жизни их. Боги ваши примут их с радостью и даже поблагодарят, потому что они, владыки их, сделались равными им.

(9) Но когда вы на ряду с Юнонами, Церерами и Дианами поклоняетесь Ларентине, публичной женщине, как богине (хоть бы уж Лаиде или Фрине); когда вы Симону Магу воздвигаете статую с надписью: святому богу; когда вы царского пажа включаете в число богов: то ваши древние боги, хотя они сами не лучше, имеют право считать вас своими оскорбителями, так как вы другим приписываете то, что древность усвоила только им одним.

(1) Хочу я рассмотреть и ваши религиозные обряды. Я не обвиняю вас за то, каковы бываете вы при жертвоприношениях, когда закалываете животных худых, чахлых и паршивых, а из откормленных и здоровых уделяете для них только то, что никуда не годится: обрезки и копыта, что вы дома отдали бы рабам или собакам, когда из десятины Геркулеса вы не кладете на жертвенник его и третьей доли. Напротив я скорее стану хвалить вас за это, потому что вы спасаете кое-что от гибели.

(2) Но, обращаясь к вашим письменным памятникам, которые научают вас мудрости и готовят к благородным занятиям, какие поругания нахожу в них! В этих памятниках рассказывается, что боги из-за троян и греков сражались между собою, подобно гладиаторам, что Венера была ранена человеческою стрелою за то, что она хотела спасти сына своего Энея, почти умерщвленного Диомедом.

(3) что Марс почти погиб от тринадцатого месячного пребывания в оковах, что Юпитер, чтобы не испытать подобного насилия от других небожителей, был освобожден некоторым чудом, и что он то оплакивает смерть Сарпедона, то гнусно похотствует на сестру свою, уверяя ее, что он не так любил прежних своих приятельниц.

(4) Какой после того поэт из уважения к своему главе не бесчестил богов. Этот приговаривает Аполлона пасти скот у царя Адмета, а тот для Нептуна делает подряд у Лаомедонта на постройку.

(5) И между лирическими поэтами есть такой (разумею Пиндара), который говорит, что Эскулапий был наказан молниєю за свою алчность, заставлявшую его злоупотреблять медициною. Зол Юпитер, если молния находится во власти его; жесток он к внуку, завистлив к мужу искусства.

(6) Религиознейшие люди не должны были бы ничего этого объявлять, если бы это было на самом деле, и не должны были бы ничего такого выдумывать, если бы этого не было. И трагики, и комики также не щадят богов: они в прологах своих говорят о бедствиях или заблуждениях семейства какого либо бога.

(7) О философах я умалчиваю; я довольствуюсь одним Сократом, который в поругание богов клялся и дубом, и козлом, и собакой. Но потому Сократ и осужден был на смерть, что он отвергал богов. Истину, очевидно, ненавидели и прежде, т. е. всегда.

(8) Впрочем так как афиняне, раскаявшись в своем приговоре, осудили потом и обвинителей Сократа и так как они поставили в храме золотое изображение его; то этим самым ясно выразили свое мнение о нем.

(9) Также и Диоген как то смеялся над Геркулесом, а римский циник Варрон представляет триста Юпитеров, или Евов, которых должно назвать безголовыми.

15

(1) Некоторые забавные выдумки делаются на счет бесчестия ваших богов даже для ваших удовольствий. Рассмотрите фарсы Лентулов и Гостилиев. В шутках и остротах их осмеиваете ли вы мимиков или своих богов. В этих фарсах осмеян Анубис прелюбодей, Луна мужчина, Диана высеченная, чтение завещания мертвого Юпитера и три голодные Геркулеса.

(2) Да и гистрионы открывают вам всякую гнусность их.

Солнце для вашего удовольствия плачет о своем сыне, свергнутом с неба. Цибела вздыхает по гордом пастуху ради вас, нисколько не краснеющих. Вам нравится пение елогий и скандалы Юпитера, а также и суд пастуха над Юноною, Венерою и Минервою.

(3) Уже и тем, что маска вашего бога покрывает голову самую позорную и бесчестную, а также и тем, что тело, нечистое и доведенное до театрального искусства путем расслабления, представляет какую-нибудь Минерву или какого-нибудь Геркулеса, не оскорбляется ли величие их и не бесчестится ли божество в то время, как вы рукоплещете.

(4) Вероятно, вы более религиозны в амфитеатре, где боги ваши танцуют по человеческой крови, а также по нечистотам убитых, чтобы доставить осужденным на борьбу новые драмы и новые фабулы, где преступники часто облакаются в маски самих богов ваших.

(5) Мы некогда видели, что тот, который играл Атиса, известного пессинунтского бога, был действительно оскоплен, а тот, который играл Геркулеса, был сожжен живым. Мы смеялись, как в жестоких играх полуденных гладиаторов игравший Меркурия пробовал мертвых раскаленным железным прутом. Мы видели, как игравший брата Юпитера, Плутона, отводил трупы гладиаторов с молотком.

(6) Кто до сих пор был в состоянии исследовать в отдельности все то, что оскорбляет честь богов, что отнимает черты их величия? Конечно, все это происходит потому, что богов презирают как те, которые играют их, так и те, которые смотрят на их игры.

(7) Но это, может быть, только шутки. Впрочем если я укажу на то, что хорошо знает совесть каждого из вас, что в храмах ваших заключаются договоры на прелюбодеяния, что между жертвенниками происходят сводничества, что очень часто в жилищах жрецов и служителей храмов предаются страсти в священных

лентах, шапках и пурпуровых одеждах в то время, когда еще горит фимиам; то я не знаю, не на вас ли более, чем на христиан, должны жаловаться ваши боги? По крайней мере всегда бывают из ваших похитители священных предметов. Ибо христиане не посещают храмов и днем. Вероятно, и они стали бы грабить их, если бы и сами молились в них.

(8) Что же почитают те, которые не почитают ничего такого? Уж, конечно, ясно, что они почитают истину, так как не почитают лжи, и более не заблуждаются в том, в чем не перестали заблуждаться, узнав, что они заблуждались. Это вы заметьте наперед и отсюда черпайте весь взгляд на наше учение, удалив однако прежде ложные мнения.

16

(1) Ибо и вы, как некоторые, воображаете, что ослиная голова есть наш Бог. Повод к такому мнению подал Корнелий Тацит.

(2) Он в пятой книге своей истории, начав рассказывать о войне иудейской с происхождения, имени и религии иудейского народа то, что ему угодно было, говорит между прочим, что иудея, выведенные из Египта или, как он полагает, изгнанные оттуда, томимые жаждою в пустыне Аравии, были приведены к источнику ослами, случайно шедшими туда с пастбища, и что в благодарность за это они стали боготворить голову подобного животного.

(3) Отсюда, я полагаю, заключили, что и мы, как родственники иудеям в религиозном отношении, почитаем тоже самое изображение. Но тот же Корнелий Тацит, действительно плодовитый на выдумки, в той же истории рассказывает, что Гней Помпей не нашел никакого изображения в храме иерусалимском, который осматривал он тщательно с тем, чтобы открыть там тайны иудейской религии.

(4) А во всяком случае, если бы иудеи почитали какое либо изображение, то оно не должно было бы храниться ни в каком другом месте, кроме их святилища, тем более, что почитание, хотя и суежное, не могло опасаться сторонних зрителей, так как в это святилище дозволено было входить только священникам. Что касается до прочих, то у них задернутою завесою отнята была возможность даже смотреть туда.

(5) Впрочем вы не станете отрицать, что вы сами почитаете всякий рабочий скот и лошадей в целом их виде с своею богинею Эноною. Может быть, вы осуждаете нас за то, что мы, живя среди почитателей всякого рода скота и зверей, почитаем только ослов.

(6) Но и тот, кто полагает, что крест есть наш Бог, будет товарищем нашим в обоготворении его. Когда поклоняются какому-либо дереву с целью снискания у него милости: то не важно, какой наружный вид его, так как натура вещества всегда одна и та же; не важна и форма, так как то самое (вещество) есть тело Бога. А впрочем какая разница между столбом креста с одной стороны и Палладою афинскою и Цирерою фарийскою с другой? Та и другая выставляется на продажу без изображения, в виде грубого чурбана и неоформленного дерева.

(7) Всякое дерево, поставленное прямо, есть часть креста; мы следовательно почитаем Бога в целом и неповрежденном виде. Выше было сказано нами, что скульптуры начинают формирование богов ваших с креста; но вы воздаете божескую честь и Викториям, хотя в трофеях внутренности трофеев составляют кресты.

(8) Вся лагерная римская религия знамена почитает, знаменами клянется, знамена ставит выше всех богов.

Все известные, небольшие щиты на знаменах суть не что иное, как украшения крестов. Известные завесы знамен полководцев и императоров суть одежды крестов.

Хвалю прилежание: вы не хотите боготворить кресты не украшенные и нагие.

(9) Некоторые думают гораздо разумнее и правдоподобнее, именно: солнце наш Бог.

Мы поэтому будем причислять себя к персам, хотя поклоняемся солнцу, изображенному не на полотне; так как имеем его везде на его небесном своде.

(10) Не вдаваясь в подробности, скажем, что мнение это произошло от того, что узнали, что мы молимся, обратившись лицом на восток. Но и многие из вас, когда бывает угодно помолиться небесным богам, обращаются лицом туда же.

(11) Равным образом, если мы празднуем день солнца, то совсем по другой причине, а не потому, чтобы мы боготворили солнце. Мы занимаем второе место за теми, которые день Сатурна посвящают праздности и пиршеству, отступая и сами от иудейского обычая, которого те не знают.

(12) Но недавно появилось в этом городе совершенно новое изображение нашего Бога.

Один гладиатор по найму выставил картину с такою надписью: *Deus christianorum Onocoetes*. Этот бог имел ослиные уши, на одной ноге у него было копыто, в руке он держал книгу, одет был в тогу. Мы посмеялись и над именем, и над изображением.

(13) Но граждане этого города должны были бы тотчас поклониться этому двубразному богу, потому что они приняли в число своих богов и тех, у которых были головы собачьи и львиные, которые имели рога козлиные и бараньи, которые были от ляжек козлы, от голеней пресмыкающиеся, а по подошвам или по заду птицы.

(14) Этого с избытком для того, чтобы нам не оставить как бы нарочито не опровергнутым ничего из того, что говорят о нас. Обращаясь уже к изложению нашей религии, мы будем снова все это опровергать.

17

(1) Что мы почитаем, есть Бог единый. Он всю вселенную со всем богатством элементов, тел и духов произвел из ничего словом, которым повелел, разумом, которым устроил порядок, силою, которою все мог, для украшения своего величия.

Поэтому греки называли мир *kosmos*, украшение.

(2) Он невидим, хотя Его видят; Он не осязаем, хотя по милости Своей является; Он непостижим, хотя человеческим умом постигается, поэтому Он истинен и велик. Ибо, что обыкновенно можно видеть, осязать, постигать, то менее и глаз, которые видят, и рук, которые обнимают, и ума, который постигает. А что необъемлемо, то известно только себе самому.

(3) То, что есть, делает то, что Бог постигается, хотя Он не приемлет постижения.

Итак величие делает Его для людей и известным, и неизвестным. В этом заключается главнейшая вина тех, которые не хотят познать Того, Которого не могут не знать.

(4) Хотите ли вы, чтобы мы показали Его из Его творений, столь многочисленных и столь великих, которые нас окружают, поддерживают, увеселяют и устрашают, или из свидетельства самой души?

(5) Хотя душа заключена в тело, как в темницу, хотя она помрачена извращенными учениями, хотя она лишена бодрости благодаря страстям и похотям, хотя она рабски служит ложным богам; однако, когда приходит в себя, освободившись как будто от опьянения или сна или какой либо болезни, и делается снова здоровою, то произносит имя, Бог, и одно только это имя, так как истинный Бог действительно есть един. Все говорят: велик Бог, благ Бог и что Бог даст.

(6) Душа свидетельствует о Нем, как Судии, когда говорит: Бог видит, вручаю Богу, Бог воздаст мне. О свидетельство души, по природе христианки! И, произнося это, она взором своим обращается не к Капитолию, а к небу. Она, конечно, знает жилище Бога живого: от Него и оттуда она снизошла.

18

(1) Но чтобы мы познали полнее и точнее как самого Бога, так Его распоряжения и желания, Он даровал священные книги для всех, которые хотят искать истинного Бога, искомого найти, в найденного уверовать, уверованному служить.

(2) Он мужей, удостоившихся познать Бога и открыть Его благодаря их праведности и невинности, послал в мир с самого начала, даровав им божественного Духа, чтобы они проповедовали, что один только есть Бог, Который все сотворил, Который образовал человека из земли (ибо Он есть истинный Прометей).

(3) Который привел мир в порядок, установивши известные периоды и чередования, Который дал знамения Своего карающего величия дождями и огнями, Который для снискания милости у Себя даровал учение, Который определил возмездие как за то, что не знали и презрели Его, так и за то, что повиновались Ему, Который поэтому при конце настоящего века будет судить и своих почитателей для воздаяния им жизни вечной и своих презрителей для ввержения их в огонь вечный, когда все, от начала умершие, воскреснут, преобразуются и подвергнутся суду для определения того или другого воздаяния.

(4) Когда то и мы смеялись над этим. Мы из ваших. Христиане делаются, а не рождаются.

(5) Те, которых мы называли проповедниками, называются пророками, так как они обязаны были говорить будущее. Их слова и чудеса, которые они совершали ради веры в истинного Бога, находятся в сокровищнице писаний, и они не скрываются.

Птоломей, которого называют Филадельфом, ученейший царь и весьма чуткий ко всякого рода литературным произведениям, соперничая, как я полагаю, с Пизистратом в заботе о библиотеках, потребовал, по совету знаменитейшего в то время грамматика, Деметрия Фалерийского, своего библиотекаря, на ряду с другими книгами, обращавшими на себя внимание или древностью своею, или своим содержанием, и от иудеев их книги, писанные на их собственном, туземном языке, которые поэтому находились только у них одних.

(6) Ибо пророки были только из иудеев и всегда говорили только к ним, как к народу Божию, избранному ради отцов.

Те, которые теперь называются иудеями, прежде назывались евреями.